

For months Beverly Carlyle had remained a remote and semi-mysterious figure. She had been in some hearts and in many minds, but to most of them she was a name only. She had been the motive behind events she never heard of, the quiet center in a tornado of emotions that circled about without touching her.

On the whole she found her life, with the settling down of the piece to a successful, run, one of prosperous monotony. She had re-opened and was living in the 56th Street house, keeping a simple establishment of cook, butler and maid, and in the early fall she added a town car and a driver. After that she drove out every afternoon except on matinee days, almost always alone, but sometimes with a young girl from the company.

She was very lonely. The kaleidoscope that is theatrical New York had altered since she left it. Only one or two of her former friends remained, and she found them uninteresting and narrow with the narrowness of their own absorbing world. She had forgotten that the theater was like an island, cut off from the rest of the world, having its own politics, its own society divided by caste, almost its own religion. Out of its insularity it made occasional excursions to dinners and week-ends; even into marriage, now and then with an outlander. But almost always it went back, eager for its home of dressing-room and footlights, of stage entrances up dirty alleys, of door-keepers and managers and parts and costumes.

Бевэрли Карлайл долгие месяцы оставалась личностью труднодоступной и почти мистической. Она завладела мыслями многих, сердцами некоторых, но для всех них была всего лишь именем. Она была причиной событий, о которых даже не слышала, тихим центром торнадо эмоций, который вращался вокруг, не касаясь её самой

В целом, она находила свою жизнь, со всеми её возвышениями от осколков к успеху и беготней, самым благополучным однообразием. Она начала всё с нуля и жила в доме на 56-ой улице, держала небольшой штат прислуги, состоявший из повара, дворецкого и горничной, а ранней весной добавила ко всему этому машину для выездов в город и водителя. После этого она выезжала в город, каждый день в полдень, исключение составляли дни спектаклей, почти всегда одна, иногда с девочкой из труппы.

Она была очень одинока. Тот калейдоскоп, который представляет собой театральный Нью-Йорк, изменился с тех пор, как она его покинула. Только один или два её старых друга остались, но она считала их неинтересными, ограниченными узостью их собственного увлекательного мира. Она забыла, что театр, как остров, отрезанный от остального мира, со своей собственной политикой, обществом, поделенным на касты, и чуть ли не собственной религией. Эта изолированность иногда прерывалась случайными путешествиями на обеды и уикенды; даже в браке то и дело чувствуешь, будто живешь с чужестранцем. Но почти всё возвращалось к прежнему, стремясь к своему дому, где гримёрная, свет рампы, подмостки, выходящие на грязные улицы, зрители, импресарио, и роли, и костюмы.